

РОЛЬ ЦЕЛЕВОЙ УСТАНОВКИ ОРАТОРА В ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

М. С. Мащенко, Ю. С. Паули

THE ROLE OF THE SPEAKER'S PURPOSE IN THE ORGANIZATION OF A JUDICIAL SPEECH

M. S. Mashchenkova, Yu. S. Pauli

Исследование выполнено при поддержке Гранта губернатора Кемеровской области, 2012 г.

В статье анализируется, каким образом цели оратора влияют на построение аргументации, композицию и языковое оформление судебной речи.

The influence of the speaker's purposes on argumentation development, composition and language use in judicial speech is analyzed in the article.

Ключевые слова: судебная речь, целевая установка, аргументация.

Keywords: judicial speech, purpose, argument.

В контексте правовой реформы, проводимой в современной России, возникает необходимость в разработке подходов к описанию речевых навыков современного судебного оратора, осуществляющего правоприменительную деятельность в условиях особой публичности – в ситуации, когда адресатом сообщения, помимо профессионала, выступает юридически не подготовленный человек. Так, прокурор Кемеровской области А. П. Халезин следующим образом определяет задачи обвинителя в современных условиях: «...это требует от государственного обвинителя высокого профессионализма, повышает служебную и личную ответственность за судьбу лиц, в отношении которых проводится уголовное преследование и оперативное разрешение проблем потерпевших по защите своих прав» [4, с. 3]. Разработке теории современного судебного красноречия способствует изучение образцовых судебных речей практикующих ораторов, составление хрестоматий, содержащих наиболее удачные и неудачные тексты судебных ораторов. Таким примером может стать сборник «Речи государственных обвинителей», выпущенный прокуратурой Кемеровской области и Управлением по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами в 2003 году. Особый интерес представляют судебные речи по делам, вызвавшим общественный резонанс, поскольку речевое поведение участников судебных прений, решения по этим делам привлекают к себе внимание широкой публики и требуют от судебных ораторов, помимо правовой, еще и общественную оценку.

Активизация исследований судебных речей привела к многоаспектному их изучению. Данная работа включена в контекст риторической традиции изучения стратегий убеждения в судебных речах (см. исследования Т. В. Артемовой, А. С. Александрова, З. В. Баишевой, В. В. Девяткиной, Н. Н. Ивакиной, П. Сергеева). Судебный оратор, изучая обстоятельства дела и выстраивая свою аргументацию, формулирует свою целевую установку, которая организует текстовое оформление судебной речи.

Авторы учебного пособия [1] подразделяют цели судебной речи на дальние и ближние. Дальняя цель

судебной речи «сводится к тому, чтобы помочь суду и гражданам разобраться в фактических обстоятельствах дела, способствовать формированию убеждения судей, оказать воспитательное воздействие на граждан и при этом не приносить в разбирательство сведений, дотоле не известных суду» [1, с. 227 – 228]. Дальние цели определяют состояние адресата: его знания об обстоятельствах дела, его убеждения по поводу роли подсудимого в разбираемой ситуации, его отношение к этой ситуации. Ближняя цель «связана с выражением процессуальной позиции самого оратора, т. е. всего того, на основании чего слушатель способен принимать решение. Отсюда: ближняя цель речей, произносимых в ситуации судебных прений, выражается самим автором как акт просьбы (Я прошу суд...) и состоит в доказывании и вынесении предложения о мере пресечения» [там же]. Таким образом, ближняя цель выражает позицию адресанта судебной речи.

Цель данной работы – определить особенности текстового оформления замысла судебных ораторов, представляющих разные точки зрения по одному делу. Материалом исследования послужили обвинительная [5] и защитительная [3] речи по делу Н. А. Кулаева, принимавшего участие в событиях в Беслане 1 – 3 сентября 2004 года.

1. Обвинительная речь по делу Н. Кулаева: языковые механизмы достижения цели высказывания

Дальними целями обвинительной речи по делу Н. Кулаева являются:

– помочь суду и гражданам разобраться в фактических обстоятельствах дела. Эта цель сформулирована обвинителем прямо: «Для следствия важно полно и объективно исследовать все обстоятельства, связанные с данным уголовным делом. В этой связи мы тщательно исследуем и все показания, которые были даны в ходе судебного следствия»;

– способствовать формированию убеждения судей. Эта цель формируется прямо в обобщенном виде: «А сейчас наша задача дать правовую оценку деяниям подсудимого», а также системой доказательств, при-

веденных в тексте речи. На убеждение судей влияет и усиление эмоциональности речи;

– оказать воспитательное воздействие на граждан, чему способствуют воздействующие возможности языковых средств, посредством которых представлено и само описываемое событие, и подсудимый.

Ближняя цель определяется целевой установкой оратора – представить подсудимого как полноправного члена банды, что позволит отождествить его деяния с действиями всей банды, а это, как правило, расширяет возможности квалификации. Государственный обвинитель, включив деяния подсудимого в более широкий контекст – деяния бандформирования, квалифицирует их по статьям 209 ч. 2 УК РФ, 222 ч. 3 УК РФ, ч. 3 ст. 30 и статье 105 ч. 2 п.п. «а, б, в, д, е, ж, з» УК РФ, ч. 3 ст. 30 и статье 206 ч. 3 УК РФ, ст. 206 ч. 3 УК РФ, 205 ч. 3 УК РФ, ст. 105 ч. 2 п.п. «а, б, в, д, е, ж, з» УК РФ, 317 УК РФ, а затем предлагает в качестве санкции исключительную меру наказания – смертную казнь. Ближняя цель сформулирована оратором прямо и помещена в заключение речи: *«На основании части 3 ст. 69 Уголовного кодекса РФ, по совокупности преступлений, окончательно назначить наказание Кулаеву Нурпаши Абургакашевичу путем частичного сложения наказаний, в виде исключительной меры наказания – смертной казни»*.

Намеченные государственным обвинителем цели обуславливают аргументационную и композиционную организацию речи, ее языковое оформление.

Обвинительная речь по делу Кулаева Нурпаши Абургакашевича имеет традиционное трехчастное деление: вступление, основная часть и заключение.

А. Вступление. Вступительная часть определяется замыслом речи и является основой для дальнейшего исследования обстоятельств дела. Речь прокурора начинается с общественной и моральной оценки совершенного преступления, которая выражена прямо: *«Перед участниками процесса вновь прошли кровавые события сентября 2004 года, которые пришлось пережить жителям Беслана. Трагедия, боль которой вместе жителями этого небольшого осетинского города разделил весь цивилизованный мир»*.

Помимо формирования предварительной оценки вступление также готовит адресата к доверительному восприятию последующих далее аргументов. Для этого оратор отходит от усиления эмоциональности, стремится к большей объективности в формулировании своей задачи: *«Теперь настало время решить вопрос о виновности подсудимого и дать правовую оценку совершенным Кулаевым преступлениям»; «Следствием собраны убедительные доказательства того, что в составе банды подсудимым совершены: бандитское нападение, захват заложников, терроризм, убийства и другие преступления. Религиозная и национальная составляющие в них отсутствуют»*. Перечисляя преступления, вменяемые подсудимому, оратор указывает на позиции, с которых рассматриваются разбираемые факты (только с правовой точки зрения, не религиозной, не национальной и т. д.). Уже во вступлении он утверждает доказанность этих преступлений: *«Собраны убедительные доказательства*

того, что...». Кроме того, он перекладывает ответственность на органы предварительного следствия, используя аргумент к авторитету: *«Следствием собраны убедительные доказательства»*.

Б. Основная часть. Чтобы предложить санкцию – исключительную меру наказания – смертную казнь, обвинитель обосновывает ряд тезисов: (1) 'Кулаев – полноправный член банды', это базовый тезис, от которого зависит вся остальная аргументация оратора, а также квалификация деяний подсудимого; (2) 'подготовленность Нурпаши Кулаева как террориста'; (3) 'использование Кулаевым огнестрельного оружия, жестокое обращение с заложниками'.

В целом аргументация обвинителя строится по сходной схеме: оценочное представление тезиса (*«Он не заблудшая овца, случайно оказавшаяся в стае волков»*, *«В той ситуации, когда люди боролись за свои жизни и жизни своих детей, мало кто из заложников обращал внимание на поведение Кулаева, но некоторые испытали на себе насилие и жестокость с его стороны»*). Оратор формулирует свои ключевые идеи в виде обобщенных оценочных суждений, в которых он опирается на общечеловеческие ценности, тем самым он придает тезису статус общественного мнения. Для обоснования тезиса судебный ритор использует метод наслаивания одного аргумента на следующий, в результате которого аудитория с большей степенью достоверности воспринимает выдвинутый тезис и считает его доказанным. При формулировании доводов он отходит от оценочности, эмоциональности и стремится к объективному представлению фактов. Основным видом аргументов, которые он применяет для обоснования тезиса, является аргумент к очевидному – показания свидетелей, подсудимого, следствия, что служит усилению эффекта достоверности изложения.

Наиболее разработана аргументация тезиса (1). Ее основой являются аргументы к очевидному – показания свидетелей: *«Свидетель Мужихоева и в ходе предварительного следствия, и в этом зале опознала Нурпашу Кулаева как боевика, которого она видела в банде Басаева еще в мае 2003 года. Она подтвердила, что и подсудимый, и его брат Ханнаш, уничтоженный в Беслане, никогда не прерывали своей связи с экстремистской террористической организацией, действующей не только в Чеченской Республике, но и в других субъектах юга России»*, показания подсудимого *«В своих показаниях суду Кулаев то и дело старался отделить себя от террористов и убийц, утверждая, что он не имел к ним отношения, не знал целей и задач банды»*.

При этом в аргументацию вставлены описание самой банды, ее деяний, а также оценка ее действий, а не только оценка действий обвиняемого, тем самым оратор разделяет виновность за все когда-либо совершенные преступления бандитской группировкой между членами банды и Кулаевым. Обвинитель раскрывает состав, цели и действия банды. Благодаря этому, он подчеркивает, что Кулаев – участник банды, он обозначает ее цели и действия, тем самым причисляя их подсудимому: *«Но у бандитов и террористов,*

как известно, нет ни национальности, ни совести, ни чести, ни достоинства. Один из них, Ваша честь, сейчас перед Вами». В виде вывода оратор использует оценочное высказывание, в котором указывает на отсутствие у подсудимого нравственных ценностей. В своих оценках он опирается на общечеловеческие и духовные ценности: «...грубо извращая человеколюбивую и гуманистическую суть этой религии (ислама), бандитские главарь 1 сентября подло попирали священные законы дружбы и добрососедства, всегда чтимые на Кавказе. Подняли руку на детей и на их невинные жизни», что оказывает сильное психологическое воздействие на аудиторию. Это ценности всей аудитории, а не одного оратора, посягательство на ориентиры и нормы, на моральные ценности, являющиеся абсолютным стандартом для людей всех культур и эпох, вызывает потребность их защищать и враждебное отношение к подсудимому.

Тезис (1) обосновывается также с помощью косвенных аргументов, которые связаны с ним опосредованно. Например, аргумент, в котором разрабатываются цели банды и затем осуществляется проецирование этих целей на цели подсудимого. Своей целью террористы ставили именно уничтожение заложников, построен в виде силлогизма, что усиливает его объективность:

(1) первая посылка, в которой перечислено вооружение банды и постепенно рассуждение подводит к описанию взрывных устройств, установленных в школе: «Об этом можно судить по тому количеству взрывных устройств, арсеналу оружия, которое они привезли с собой. По всему залу были развешаны и разложены как самодельные взрывные устройства осколочного поражения, так и противопехотные мины заводского изготовления с самодельной доработкой. На вооружении террористов находились реактивные и подствольные гранатометы, ручные гранаты и стрелковое оружие. Те взрывные устройства, которые удалось обезвредить во время операции по освобождению заложников, были начинены поражающими элементами в виде шариков, роликов и применены террористами для поражения наибольшего количества заложников. // Применение указанных взрывных устройств в спортивном зале школы № 1 г. Беслана убедительно свидетельствует об истинных намерениях террористов»;

(2) вторая посылка, которая сформулирована в виде аргумента к очевидному: «Эти обстоятельства подтвердили потерпевшие Дигурова А. П., Губиева Б. И., Ходов А. С., Кастуева А. В., Левченко Л. В., Гутиев З. Х. и многие другие, а также свидетели Барзгов Б. И., Тетов Э. Т. и другие»;

(3) вывод, в котором в контекст целей банды включаются цели подсудимого: «Указанные действия террористов неопровержимо свидетельствуют о том, что банда, в которую входил Кулаев, ставила своей целью учинить кровавую расправу над беззащитными и мирными людьми».

Идея 'Кулаев – полноправный член банды' выражается не только организацией аргументов, но и посредством языкового оформления замысла автора.

Так, при перечислении совершенных бандитской группировкой преступлений обвинитель, указывая на субъект действия, обязательно называет и подсудимого, и банду в целом, тем самым подчеркивая связанность подсудимого с ней: «Согласно обвинительному заключению, Кулаев Нурпаша Абургакашевич обвиняется в том, что в августе 2004 г. вошел в состав устойчивой вооруженной группы (банды) под непосредственным руководством жителя Республики Ингушетия Хучбарова Р. Т. ... // «В результате преступных действий Кулаева и других участников банды погибло 317 заложников, 1 житель Беслана не из числа заложников и 2 сотрудника МЧС, 728 заложников получили ранения разной степени тяжести. Кроме того, при проведении сотрудниками спецподразделений операции по освобождению заложников, Кулаевым и другими членами банды, вооруженными огнестрельным оружием, объединенными единым преступным умыслом, направленным на лишение жизни, было убито 10 сотрудников центра специального назначения ФСБ Российской Федерации и ранено 55 работников правоохранительных органов и военнослужащих. // В результате преступных действий Кулаева и членов банды было разрушено здание школы № 1 г. Беслана, а также постоянным обстрелом боевиками близлежащих зданий, учреждений и домовладений граждан был причинен материальный ущерб на общую сумму более 34 млн рублей»; «Действуя в составе организованной группы, Кулаев Н. А., совместно с другими членами банды, незаконно приобрел огнестрельное оружие и боеприпасы различной модификации, а также самодельные взрывные устройства, которые хранил, носил, перевозил, а 1–3 сентября 2004 г. использовал при нападении на школу и удержании заложников». Стилистически такой повтор недопустим, но оратор использует его для усиления уже доказанной им идеи о включенности Кулаева в состав банды. Здесь также важна идея выделения подсудимого из состава банды, которая также представлена посредством языковых единиц. Для аудитории Н. Кулаев – единственный известный член банды, а следовательно, все ее деяния соотносятся у слушателей только с ним.

В. Заключение. Предложение санкции – композиционный элемент, входящий в состав основной части, однако автор этой речи помещает его в заключение. Исключительность рассматриваемого дела и санкции, которую он обосновывает, определяет особую подготовку аудитории к ее принятию. В заключении речи обвинитель утверждает смертную казнь как единственно приемлемую меру наказания с точки зрения закона, гуманности и религии (более подробно анализ заключения обвинительной речи по делу Н. А. Кулаева см. в [Паули, 2009, с. 190 – 202]. Воздействующий эффект здесь создается и с помощью выразительных языковых средств. Так, оратор использует фигуры умолчания: *Говорят, что время стирает все, даже горе. Может быть...*; прямое обращение, сочетающееся с риторическим восклицанием: *Ваша честь! Право суда карать или миловать!*; парцелляцию: *Я склоняю голову перед памятью погибших... И*

от их имени, во имя справедливости и правосудия прошу суд признать Кулаева виновным и назначить ему наказание... Сочетание слов в однородную связь позволяет представить оценку рассматриваемого события: Он должен подействовать отрезвляюще на тех, кто готовится стать на путь варварства и террора (значит, террор = варварство).

2. Защитительная речь по делу Н. Кулаева: языковые механизмы достижения цели высказывания

Дальними целями защитительной речи по делу Н. Кулаева являются:

- помочь суду и гражданам разобраться в фактических обстоятельствах дела. Эту цель судебный оратор формулирует прямо: *«Моя задача – отыскать в деле все факты, оправдывающие или смягчающие положение моего подзащитного»;*

- способствовать формированию убеждения судей. Эта цель также формулируется прямо во вступлении: *«Вся моя деятельность – это не дать ошибиться суду, помочь суду разобраться в истине дела, ибо нам всем известны случаи судебных ошибок. И я надеюсь, что вы меня поймете»*, а также реализуется системой опровергающих или уточняющих доказательств обвинителя аргументов;

- оказать воспитательное воздействие на граждан. Эта цель защитительной речи не так ярко выражена, как в обвинительной речи. Но своей оценкой описываемых событий он участвует в формировании его общественной оценки. Большим воспитательно-дидактическим потенциалом обладает отстаиваемая адвокатом идея об объективности позиции суда: *«Сегодня я защищаю не преступление, а отстаиваю права подзащитного своего. ... Вся моя деятельность – это не дать ошибиться суду, помочь суду разобраться в истине дела, ибо нам всем известны случаи судебных ошибок»*.

Ближняя цель защитительной речи определяется целевой установкой оратора – требованием пересмотра доказательств по делу, выдвинутых стороной обвинения. Адвокат обращается к суду: *«Прошу внимательно взвесить все представленные доказательства, дать оценку показаниям моего подзащитного. И прошу уважаемый суд вынести справедливый приговор»*. При этом особенностью этой речи является то, что оратор не предлагает санкцию, он апеллирует к общественным ценностям – правовая объективность суда.

А. Вступление. Вступительную часть своего выступления оратор строит, используя прием ораторской предосторожности, который позволяет привлечь на свою сторону адресата и сформировать нужное убеждение судей. Так, в отличие от вступления обвинительной речи, в котором дается общечеловеческая оценка событиям Беслана и утверждается достоверность найденных следствием доказательств виновности подсудимого, это вступление крайне личностно: *...я хотел бы принести свои искренние соболезнования..., Поверьте мне, я был рядом с вами в Беслане в те же дни, ...мне, как человеку, было нелегко знакомиться подробно с материалами данного уголовного*

дела, находится вот уже 10 месяцев с вами в зале заседания, видеть вас, убитых горем. Хотя защитник не говорит прямо об ошибках следствия, но задача, которую он ставит: *«Вся моя деятельность – это не дать ошибиться суду, помочь суду разобраться в истине дела, ибо нам всем известны случаи судебных ошибок»*, в пресуппозиции предполагает их возможность.

Б. Основная часть.

Целевая установка адвоката – показать нарушения в ходе следствия и добиться пересмотра доказательств по делу определяет построение его речи как опровержение и/или как уточнение аргументации обвинителя по следующим тезисам: (1) нарушение процедуры задержания; (2) нарушение процедуры проведения экспертизы, которая могла бы установить, стрелял ли Н. Кулаев из оружия. Перечисление списка оратор заканчивает тем, что он неокончателен: *«И повторюсь еще раз, это не единственные нарушения и недочеты органов предварительного расследования»*. Оратор указывает на недостаточность характера доказательств, приведенных прокурором для той или иной предложенной им квалификации, что, в свою очередь, формирует убеждение судей о недоказанности тезисов, выдвинутых стороной обвинения, и, следовательно, является фактом, смягчающим положение подсудимого.

Для достижения вышеописанных целей оратор обращается к анализу положений, выдвинутых стороной обвинения, для их опровержения в силу недостаточной доказанности. Он ставит перед собой задачу доказать непричастность Кулаева к банде: *«Так, Кулаеву инкрементуруется участие в устойчивой вооруженной группе, банде и в совершении ею нападения»*. Показать суду недоказанность тезиса 'Кулаев – полноправный член банды' – значит показать полную несостоятельность аргументации обвинителя. Также он опровергает такие вспомогательные тезисы: 'Кулаев является подготовленным террористом', 'Кулаев обвиняется в убийстве, умышленном причинении смерти другому человеку, 2 или более лиц, лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, равно сопряженного с похищением человека или захватом заложников' и 'Кулаев обвиняется в незаконном приобретении, передаче, хранении, перевозке, ношении оружия'.

При опровержении положений, доказываемых стороной обвинения, защитник каждый раз использует одну и ту же стратегию: определяет основное понятие (*банда, терроризм* и т. д.), соотносит его с действиями подсудимого, доказывает недостаточность аргументации, приведенной стороной обвинения в доказательство данного положения. Например, при опровержении базового тезиса 'Кулаев – полноправный член банды' судебный оратор вначале приводит значение термина 'банда': *«Банда – это устойчивая вооруженная группа лиц, квалифицирующими признаками которой соответственно являются вооруженность и устойчивость»*. После этого он приступает к соотношению действий своего подзащитного и действий, входящих значение слов *банда*. Для этого он приво-

дит аргументы к очевидному – показания свидетелей: *«Допрошенная в качестве свидетеля Зарема Мужахоева показала, что какое-то время проживала в одном доме с Кулаевым Нурпашой. За это время она никогда не видела у моего подзащитного оружия, никаких неправомерных действий за этот период он не совершал»*, заканчивает разработку этого аргумента выводом, в который повторяет тезис: *«И это еще раз подтверждает тот факт о том, что Кулаев не состоял ни в какой устойчивой вооруженной группе, в банде»*. В тексте небольшое число оценочной лексики, в сравнении с обвинительной речью, что соотносится с приемом ораторской предосторожности и целевой установкой – «помочь суду разобраться в истине дела».

В. Заключение. В заключении адвокат не предлагает санкций, а просит суд дать объективную оценку действиям подсудимого: *«И в заключение, прошу уважаемый суд дать объективную оценку действиям Кулаева. Прошу внимательно взвесить все представленные доказательства, дать оценку показаниям моего подзащитного. И прошу уважаемый суд вынести справедливый приговор»*. Подобное завершение

защитительной речи свидетельствует о том, что целью судебного ратора является не предложение меры наказания, а формирование убеждения судей в пересмотре доказательств фактов по данному делу и нахождение фактов, «оправдывающих или смягчающих положение подзащитного».

После анализа обвинительной и защитительной речей по делу Н. Кулаева можно сделать вывод о том, что оба судебных ратора организуют структуру и содержание своей речи, исходя из намеченной целевой установки. В основе правильно построенного высказывания, независимо от его объема, жанровой принадлежности, формы публикации, лежит одна идея, которая должна быть отчетливо сформулирована ратором. Если у автора нет ясного представления о том, что он предлагает аудитории, ему не удастся развернуть последовательную аргументацию, а следовательно, достичь поставленной цели. Ведь судебная речь – это способ оказать целенаправленное и эффективное воздействие на суд, способствовать формированию убеждения судей и присутствующих в зале суда граждан.

Литература

1. Катышев, П. А. Ортология судебной речи: на материале речей по уголовным делам / П. А. Катышев, Т. В. Князькова // Риторика / под. ред. П. А. Катышева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006.
2. Паули, Ю. С. О значении риторического анализа в процессе формирования речевой компетенции студента / Ю. С. Паули // Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учебное пособие. – Кемерово, 2009.
3. Плиев, А. А. Защитительная речь по делу Н. А. Кулаева / А. А. Плиев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravdabeslana.ru/61-160206.htm>
4. Речи государственных обвинителей. – Кемерово, 2003.
5. Шепель, Н. И. Обвинительная речь по делу Н. А. Кулаева / Н. И. Шепель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravdabeslana.ru/59-090206.htm>

Информация об авторах:

Мащенко Марина Сергеевна – студентка Кемеровского государственного университета, mashchenkova-ms@mail.ru.

Mashchenkova Marina Sergeevna – student at KemSU.

Паули Юлия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент Кемеровского государственного университета, pauliyulia@rambler.ru.

Pauli Yulia Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.